Хлыстун В. 12

БИЗНЕС С БЕЛОЙ ТРОСТЬЮ

Он завязал мне глаза и скомандовал: "Двигай за мной". Оказавшись в темноте, я понял, что погиб. Но бодрый голос вывел меня из оцепенения: "Нащупай ногой бордюрчик на бетонном полу. Он сантиметров на сорок от стены коридора. Иди по нему. Теперь на стене потрогай знак — тут дверь. На перилах "прочитай" номер этажа. Нам на третий. Опять коридор. Дверь слева. На уровне груди надпись. Пощупал? "Зам. директора". Мой кабинет. Входи..." Я сорвал повязку. Господи, как же слепые живут?

Юрий Александрович Федорченко ослеп в начале перестройки. Он неудачно объехал на своем "Москвиче" трактор и врезался в столб... Такое испытание преподнесла ему судьба.

— Юра, как складывалась твоя жизнь до аварии?

— Если у меня был личный автомобиль, то, наверное, неплохо. Я хотел стать известным еще с шестого класса. Правда, правда! Я написал сочинение о том, как стану врачом, попаду на север. А там... сквозь пургу иду на лыжах, едва не замерзаю, но потом спасаю человека — строителя коммунизма. Так и написал. После этого становлюсь ученым, и мне на грудь вешают Звезду Героя. И Родина узнает меня в лицо!

— За сочинение ты получил пятерку?

— Пару. Учительница сказала, что все это далеко от жизни.

— А сейчас ты согласен с ее оценкой?

— Нет. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом — это я написал тогда и не отказываюсь от этого теперь. Я закончил институт, распределился в Министерство железнодорожного транспорта. Если Маркс был экономистом, то я сразу начал старшим экономистом. Потом ушел в ревизоры, и меня поставили в резерв так называемой номенклатуры.

В личном плане тоже все шло хорошо. Женился по любви на Елене прекрасной, три сына — Стас, Вадим и Александр. Друзья, спорт, здоровье, упорство, карьера, энергии через край. Все передо мной, и все доступно мне. Страну объездил. Я путешествовать страшно люблю. Накопления появились, квартира хорошая. Аспирантура замаячила. Живи — не хочу...

— И вдруг ничего не стало. Не могу представить...

— Я тоже не представлял. Даже после 24-дневной реанимации надежда была. Один глаз все-таки еще видел, но мне уже дали группу инвалидности, пришлось оставить работу. Лена тоже бросила работу из-за меня. Посвятила себя моим проблемам. Сейчас я думаю, что настоящего мужика без крепкой женской любви не бывает.

— А тогда?

— Стало не по себе. Сначала появился физический страх и в душе копаться было некогда. Мне продолжали лечить правый глаз, но уже было ясно: ослепну. И началось. Вдруг исчезло боковое зрение. Чтобы увидеть что-то в стороне, надо поворачивать голову. Неприятно. Чувствуешь себя идиотом. Стал налетать на людей, ступать мимо дорожки. Кто-то просит подать чашку, а ты лихорадочно ищешь ее. Тысячи неожиданностей на каждом шагу. Мозг работает в полную силу: как не промахнуться в дверь, не задеть встречного, не разбить стакан, попасть на унитаз, прости за натурализм. Сейчас многое делаю автоматически, а тогда голова пухла. Однажды прямо в часах плюхнулся в ванную, хорошо остальное не забыл снять.

— А жена?

— Ну, ты уж скажешь! Что я, совсем калека?! Даже запретами врачей иногда пренебрегал, было. А ты знаешь, что у слепых потенция выше, чем у зрячих? Наверное, от того, что любовью люди занимаются чаще всего в темноте...

— Подожди, Юра, я не об этом. Как жена восприняла твою беду?

— А-а, ты в этом смысле. Переживала, конечно, но разделила беду со мной и твердо сказала: не брошу — лишь бы жив был. Тыл у меня крепкий. Я как-то свалился на рельсы, так она запретила мне спускаться в метро.

— Как свалился?

— Да очень просто. На работе сахар давали, тогда он был в дефиците. Ну, я 15 кг отхватил и понес домой. Спустился в метро. А у нас же не думали о слепых, когда строили платформы. Нет бы поднять ряд плит на полсантиметра у края платформы. В общем, близко я подошел к краю и мешок с сахаром меня перевесил. Мешок-то я успел кинуть на платформу, а сам нырнул в яму. Хорошо ничем не стукнулся. Слышу, электричка свистит. Я как кинулся вперед по шпалам. А первый вагон был — тоже повезло. Добежал чуть не до тоннеля и тут какие-то мужики кричат, чтоб руки подал. Вытащили меня, слава Богу. Потом отвели на автобусную остановку и сахар мой нашелся. Я тогда подумал, что под поезд броситься всегда успею, хотя мысли о самоубийстве уже лезли в голову.

— Когда начались душевные муки?

— Как только освоился и понял, что являюсь инвалидом. Ну, кому такой нужен?! Второсортный. А я ведь рисовал, играл на фортепьяно, пел. Слепота — самая тяжелая форма инвалидности...

— Переживания закончились, догадываюсь, — водкой?

— А чем же еще? Запил я крепко. По-черному и с кем попало. Правда, держался ближе к зрячим. Пьяницы звали меня Юрок. Я в компаниях заводилой был. Милиция меня пьяного не трогала — жалела.

— Но даже в самые тяжкие времена я не бросил делать зарядку по утрам. Все-таки спортивная закалка у меня есть — борьба, футбол, легкая атлетика.

— Давай по порядку: как ты бросил пить?

— Сын заставил. Стасик. Однажды приходит, а я куролесю поддатый. А он так брезгливо говорит: "Фу, папка опять пьяный!" Меня, как током, стыд прошиб: сын, которому я отдал столько сил, так ко мне относится. Но "в бутылку не полез", не стал кричать. К вечеру отошел, позвал Стаса и дал ему слово больше не пить. Вот и все. Водка не стоит любви сыновей и жены — это я твердо усвоил.

А дальше начал появляться свой круг, где есть свои законы, правила, свои шутки, которые трудно понять зрячим людям. Без общения с себе подобными не выработать нового ритма жизни. Я поразился, например, что слепые очень любят всякие выставки, экскурсии, театры...

— А действительно, почему?

— Они слушают мир, рисуют его и долго держат в голове. У меня самого быстро развилась память. Раньше не запоминал номера телефонов, сейчас держу в голове штук 150. Ребята по записной проверяли — не вру.

— А как ты относишься к слепым, которые стоят со шляпой?

— Не осуждаю, но сам никогда не стоял, даже когда пьянствовал. Однако приглядись: почти все слепые, когда просят, обычно работают — играют на гармошке, поют или еще что-то делают. Мне тоже подавали деньги. Как-то стою у магазина, слышу в карман кто-то кладет деньги. Не надо, говорю, а в ответ: "Брат, от чистого сердца, возьми". Очень внимательны к слепым интеллигентные люди. Через дорогу обязательно переведут — это для любого слепого самое трудное.

— Как ты искал работу?

— Обивал пороги ВОСа — Всероссийского общества слепых. Потом сам начал ездить по предприятиям — для незрячих. Их в Москве было 17, а сейчас 10 осталось. Наконец, нашел и приняли меня замом директора по воспитательной работе. Только освоил производство, с людьми контакты наладил, как должность сократили. И опять оказался на улице. Снова — поиски. Познакомился с директором этого предприятия, где мы с тобой находимся сейчас. Алексей Алексеевич Кашин — руководитель от Бога. Директор старой закалки, ему скоро 75 лет исполнится, а посмотри на него. Тоже слепой, но фору даст тысяче молодых и зрячих. Он меня окончательно на ноги поставил.

— Как же вы вписываетесь в современный рынок? Ведь гибнут на корню даже те предприятия, где очень зрячие руководители работают?

— Конечно, наш рынок не для слабаков. Поблажек нет и для нас. Наше предприятие долгое время было монополистом по части своей продукции — женские шпильки, наперстки, заколки, пуговицы, застежки. В системе ВОСа мы чувствовали себя прекрасно. До поры. Сейчас поляки, азиаты привозят столько разных мелочей, что появилась серьезная конкуренция. Когда я пришел, передо мной стояла задача протягивать шляпу и просить помощи. А поскольку еще в министерстве я хорошо усвоил эпистолярный жанр, то письма жалобные писал запросто. Написал в 25 коммерческих банков прошения. Три банка дали примерно по тысяче долларов. Больше никто ничего не дал.

— А ты видел вообще бизнесменов или банкиров по-настоящему милосердных?

— Редко. Многих сдерживает от благородных поступков расхожее мнение, будто мы всю помощь в карман кладем. А у нас свой принцип — помогать тем, кто в беде. Я о нем говорил уже. Мы с этой целью и свою Лигу милосердия "Белая трость" создали...

— Можно подробнее?

— Наш бизнес не может обойтись без пожертвований добрых людей. У зрячих это называется инвестициями. Кто их нам даст? И не только для Лиги, которая помогает слепым, но и для того же предприятия. И тут я узнал, что есть Международная благотворительная конфедерация, которая способна хоть чем-то помочь. Поехал сразу туда. Встретился с Борисом Сонкиным — президентом. Он человек деловой. Помог создать в рамках конфедерации "Белую трость". Президентом мы выбрали Кашина Алексея Алексеевича. Начали работать. Средства у нас как бы аккумулируются, и помощь идет совершенно конкретная — каждому пострадавшему в карман.

— А почему такое название?

— Все слепые ходят с белыми тросточками — так в мире заведено. Еще они любят почему-то черные плащи и широкополые шляпы — тоже черные. Кроме сбора средств, Лига начинает заниматься бизнесом. Он, конечно, пока идет совсем потихоньку, но идет — это главное. Без обманов и неудач не обходится. Хорошо нас "нагрел" Национальный пенсионный банк. Мы открыли там счет, а банк прикрылся. И никто аферистов не трогает, они и сейчас живы-здоровы, дачи себе на наши денежки строят. Еще беда: торгаши решили отсудить офис. Сейчас сражаемся. Конечно, работы много. Но вот что главное: мы уже не просто просим, а предлагаем сотрудничество — в этом состоит основная перемена. В общем, как говорят российские бизнесмены, все о'кей!

— А как дома — тоже порядок?

— Конечно! Стас стал бизнесменом. Ему это нравится. Работает на солидной фирме, на "мерседесе" ездит. Машину мы сообща купили, Стас так мечтал об этом. Вадим отслужил в армии. Младший Саша еще учится. Жена очагом командует. Мы в этом году уже раз пять в театре побывали. Друзья не забывают. На мой 50-летний юбилей человек 100 пришло. А я там танцевал — как приятно.

— Юра, о чем бы ты хотел, чтобы я обязательно написал?

— О спорте. Я уже дважды стал победителем в состязаниях по легкой атлетике среди незрячих...

— Тебе снится та злополучная авария?

— Никогда. Снится детство. Почему-то снится война, хотя я ее видел только в кино. Причем все сны яркие и цветные...

Виктор ХЛЫСТУН,
спец. корр. "Труда".
Фото автора.

МЫ

-3 окт. 98 Труд